

Константин КЕДРОВ, «Известия» - 1994 - 11 авг. - с. 7

Так случилось, что с Юрием Нагибиным я увиделся на писательском банкете за день до его неожиданной кончины. Банкет к Нагибину не имел никакого отношения, но как-то само собой получилось, что в центре внимания оказался именно Нагибин и выход его последней книги «Тьма в конце туннеля». Никто не знал тогда, что эта книга станет творческим завещанием одного из крупнейших прозаиков России. Кому-то показалось, что он ослышался: почему «тьма»? Свет в конце туннеля!

— Нет, именно тьма, — мрачно подтвердил Нагибин.

Сейчас, когда книга лежит на моем столе, а Нагибина уже нет в нашей земной жизни, я читаю ее с давно уже забытым чувством внезапного откровения. Так было лишь много лет назад, когда впервые читали «Архипелаг ГУЛАГ» и еще письмо Андрея Дмитриевича Сахарова, руганое и переруганное во всех центральных передовицах.

Юрия Марковича тоже уже успел обругать посмертно поэту-неудачник, прославившийся в советские времена тем, что был большим патриотом, нежели Сулов.

Еще был Нагибин затронут самую большую для ура-патриотов тему. Подумать только, в первом же абзаце повести «сознался», что папа у него не юрист, как положено всякому солидному человеку, а еврей.

«Вначале я, как Маугли, не знал, кто я, уверенный, что ничем не отличаюсь от остальной волчьей стаи». Но вскоре пришло прозрение и ответ — «жид пархатый, номер пятый, на веревочке распятый».

Принадлежность к «племени изгоев» лишь усиливалась тем, что мама была русская, а мальчик крещеный. «Жид крещеный, что вор прощенный». Не утешало и то, что род Дальбергов до революции не был еврейским. Лютеране не считались евреями. Один из Дальбергов служил себе при Петре I, другой был чемпионом Германии по шахматам, третий стал французским маршалом. Не утешало и родство с философом Гербертом Маркузе.

тем паче свободы, да и кому она нужна? Но он мог дать нечто большее, довлеющее в самой глубинной сути русского народа, такое желанное и сладкое, что с ним и водка становится крепче, и хлеб вкуснее, и душа горячее, — антисемитизм. То была воистину высокая плата за подвиг русского народа в Отечественной войну, за все неисчислимые

страна быть не может, не следует обманываться».

Понимаю, сколько гнева и негодования вызовут эти строки. Вспомните, как негодовал зал Съезда народных депутатов СССР, когда А. Д. Сахаров сказал правду об Афганистане, которую, казалось бы, и до этого все знали. Знали-то знали, а произносить вслух было нельзя: в доме

Дальбергов, после революции вдруг ставших евреями.

«Я был в смуте, самое отчетливое ощущение — убыток любви к трудовому крестьянству, за которое отдал жизнь Кирилл Александрович. Расстреляли и утопили его те же мужики, тот человек с ружьем, который делал революцию».

Дальше — та правда о трудо-

зять Нагибину, что не стоит, мол, судить о народе по телевидению. ТВ, оно ведь тоже выполняет чей-то лихой заказ. Но эта существенная поправка не заглушает главную истину — тьму, которая открылась писателю в конце коммунистического туннеля.

«Народ, считавшийся интернационалистом, обернулся черносоптенцем-охотничьим, Провозгласив демократию, он всем существом своим потянулся к фашизму. Получив свободу, он спит и видит задушить ее хилые ростки: независимую прессу и другие средства информации, шумную музыку молодежи, отказ от тошнотворных сексуальных табу. Телевидение завалено требованиями: прекратить, запретить, не пускать, посадить, расстрелять».

Что с тобой творится, мой народ! Ты так и не захотел взять свободу, взять толкующие тебе в руки права, так и не захотел глянуть в ждущие глаза мира, угрюмо пряча воспаленный взор. Ты цепляешься за свое рабство и не хочешь правды о себе, ты чужд раскаяния и не ждешь раскаяния от той нежити, которая коржила, унижала, топтала тебя семьдесят лет».

«Я хочу назад в евреи. Там светлее и человечней».

Возражайте, возражайте теперь Юрию Нагибину, спорьте с ним и не соглашайтесь. Это так прекрасно, если мы не хотим быть такими, какими увидел нас писатель в последние дни своей жизни. Говорят, когда человек умирает, он видит сначала темный туннель, а в конце его свет (читайте «Смерть Ивана Ильича»). Юрий Нагибин увидел незадолго до своего ухода от нас то же, что и Уэллс, приехавший к Ленину, — «Россию во мгле», «Тьму в конце туннеля». Может, с той высоты, где ныне пребывает его душа, ему откроется свет. Впрочем, его книга — это и есть весть оттуда, где видно далеко во все концы света. Откуда еще Гоголь воскликнул: «Русь, куда же несешься ты? Дай ответ! Не дает ответа...»

Здесь, конечно, можно возра-

«Я хочу назад, в евреи»

ИСПОВЕДЬ ЮРИЯ НАГИБИНА

«Пусть они выдумывают, взрывают или держат сухим порохом, пусть играют на роялях, скрипках, контрабасах, философствуют, становятся чемпионами, что мне до всего этого, если даже лучший из них не сумел подавить самого главного бунта, сделавшего из меня еврея!» «А ведь Дальберги не были евреями до революции».

Если кто-то подумает, что последняя книга Нагибина посвящена горькой судьбе евреев, то он ошибется. Эта книга о горькой судьбе России, давшей вовлечь себя в кровавое болото антисемитизма и поплатившейся за это зверствами сталинизма.

«Не менее точен был и расчет Сталина в отношении евреев. Ненависть тут ни при чем — острая приправа к блюду, — он не истерик Гитлер. Но он уже понял до конца, что для его глобальных планов в отношении Европы и всего мира ему нужен только русский народ, самый большой, самый терпеливый, покорный, безответный, мягкая глина в руках Ваятеля истории... Но ничего существенного дать народу, предназначенному на беспрекословное заклятие, Сталин не мог: ни земли, ни жилища, ни еды, ни одежды, ни предметов быта, ни

потери, уже понесенные и предстоящие, за обреченность на дурную, нищую жизнь и новые чудовищные эксперименты. Параноиком был не Сталин, а все остальные, кто не верил в его антисемитизм, доказывал теоретическую невозможность расизма в социалистической и к тому же в многонациональной стране. Сталин блистательно опроверг этих недоумков».

И еще одна истина, которая все еще не доходит до многих «высоколобых» советологов на Западе и в Америке. «Компания борьбы с космополитизмом была глупа по изначальной формулировке. Но при всей глупости и смехотворности компания эта была предельно, трагически серьезна, что тогда мало кто понял, ибо означала решительный поворот к фашизму. Отныне между идеологиями коммунизма и национал-социализма можно было поставить знак равенства. Как бы потом ни колебалась линия партии, какие бы оттепели и перестройки ни тревожили стоячих вод нашего бытия, лишенного действительности, отношение к евреям — лакмусовая бумажка любой политики — не менялось, ибо неизменным оставалась основа — русский шовинизм. И никакой другой эта

повешенного не говорят о веревке. Вот и сейчас, читая Нагибина, ясно вижу, что все это нам давно известно, да и те, кто не знает, скорее прикидываются незнающими. Просто не хотят знать. Мириады световых лет между истиной, которую все знают, но талят про себя, и той же истиной, вслух произнесенной. Рано или поздно должен был раздастся очищающий крик «А король-то голый!» И вот он раздался.

Юрий Маркович не собирался уходить из жизни. Он был грустен, подавлен, но не сломлен. Главное обстоятельство, «перевернувшее всю душевную жизнь» Нагибина, — это раскрытие роковой семейной тайны. Отцом главного героя повести оказался не тот опальный, ссыльный, умирающий от голода человек, к которому он прикипел всей душой, а вполне русский Кирилл Александрович. «Стало ясным, почему мать с такой неохотой, натужностью приближала меня к правде моего рождения. Ей виделось в этом предательство Мары». Но никакого прилива радости при своем открытии Юрий Нагибин не испытал. Чисто русское происхождение так же мало радовало, как мало радовала мнимая причастность по крови к роду лютеран

Юрий НАГИБИН:

«Я ХОЧУ НАЗАД, В ЕВРЕИ»

Обозреватель «Известий» Константин Кедров беседовал с писателем Юрием Нагибиным за день до его кончины.

Юрий Нагибин ушел из земной жизни, оставив свое творческое завещание — документальную автобиографическую повесть «Тьма в конце туннеля». По смелости и откровенности высказанных мыслей она сопоставима разве что с «Исповедью» Льва Толстого. «Самая большая вина русского народа в том, что он всегда безвинен в собственных глазах», — пишет Нагибин.

Читайте 7-ю стр.